

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.11

Шарипова Алия Рашитовна

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

nord-wind23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

ИЗОЛИРОВАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ КОНВЕРГЕНЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. Актуальность выработки единых подходов к реформированию процессуального законодательства обоснована его усугубляющейся бессистемностью и хаотичностью вносимых изменений. *Цель:* анализ текущей законотворческой работы по реформированию уголовно-процессуального и иного законодательства, ее влияния на качество уголовного судопроизводства и перспективы его конвергенции с другими видами судебного процесса. *Методы:* определяющим методом исследования выступил метод сравнительного правоведения. Кроме того, применены общие и специальные методы (анализа и синтеза, логический, специально-юридический). *Результаты:* исследование позволило выявить несогласованность между собой внесенных и планируемых изменений в отраслевое процессуальное законодательство. Развитие цифровых технологий способствовало распространению использования в суде веб-конференций и возможностей портала «Госуслуги» в арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве, но не в уголовном. Рассматриваемые в Государственной Думе РФ законопроекты об изменении порядка обжалования отводов в уголовном судопроизводстве, об исключении постановлений об административных правонарушениях из числа актов, имеющих преюдициальное значение в уголовном процессе, не учитывают состояние соответствующих универсальных институтов в других видах правосудия.

Ключевые слова: уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс, конвергенция, законотворчество, законопроект

Для цитирования: Шарипова А.Р. Изолированное законодательное реформирование уголовного судопроизводства как препятствие на пути конвергенции процессуального права / А.Р. Шарипова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 156–165. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.11.

Original article

Sharipova Aliya Rashitovna

Bashkir State University, Ufa, Russia, nord-wind23@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

ISOLATED LEGISLATIVE REFORMS OF CRIMINAL PROCEDURE AS AN OBSTACLE TO THE CONVERGENCE OF PROCEDURAL LAW

Abstract. The urgency of developing unified approaches to the reform of procedural legislation is justified by its aggravated lack of system and chaotic nature of the changes introduced. *Purpose:* to analyze the current legislative work on the reform of criminal procedure and other legislation and its impact on the quality of criminal proceedings and the prospects for its convergence with other types of judicial process. *Methods:* the method of comparative law is the determining method of the research. In addition, general and special methods are applied (analysis and synthesis, logical, special-legal). *Results:* the study reveals the lack of consistency between the changes made and those planned in the sectoral procedural legislation. The development of digital technologies contributed to the spread of the use of web conferences in court and capabilities of Portal of Government Services in arbitration, civil and administrative proceedings, but not in criminal ones. The bills under consideration in the State Duma of the Russian Federation to modify the procedure for appealing challenges in criminal proceedings and to exclude decisions on administrative offences from the list of acts of prejudicial significance in criminal proceedings, do not take into account the state of the relevant universal institutions in other forms of justice.

Keywords: criminal process, arbitration process, civil process, administrative process, convergence, lawmaking, bill

For citation: Sharipova A.R. Isolated legislative reforms of criminal procedure as an obstacle to the convergence of procedural law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 156–165. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.11. (In Russian).

Бессистемность реформирования законодательства в последние годы является предметом критики на разных уровнях. Ни уголовно-процессуальная политика, ни процессуальная политика в целом, ни судебнопроцессуальная политика не имеют четко обозначенных целей и ориентиров, относительно которых возможно было бы выстраивать их компоненты. Самый высокий уровень обобщения вносимых в законы изменений ограничивается «кампаниями» по борьбе с одними явлениями или в поддержку других. Не учитываются межотраслевые связи, особенно такие неочевидные, как взаимодействие и взаимовлияние уголовно-процессуального, арбитражного процессуального, гражданского процессуального и административного процессуального права. Это можно обнаружить при анализе текущей законотворческой работы.

Традиционно начало нового календарного года сопровождается вступлением в силу законодательных изменений, принятых в последних числах года ушедшего. Так, Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дополнил УПК РФ статьей 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». Новая норма наконец разрешила проводить перечисленные следственные действия удаленно, однако только с использованием «систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование», а следовательно, «при наличии технической возможности», которая есть далеко не всегда. Тем не менее движение уголовного процесса навстречу прогрессу можно приветствовать, хотя неожиданно выглядит единичное использование иного (правильного) варианта написания слова «видео-конференц-связь», которое и в УПК РФ, за исключением упомянутой новой статьи, и в других нормативных актах фигурирует как «видеоконференц-связь».

Можно предположить, что вынужденный перевод многих процессов на удаленный вариант исполнения в период пандемии обеспечил подобный «прорыв» в уголовно-процессуальном законодательстве, не позволив отложить его на десятилетие.

Однако в это же время три остальных вида судопроизводства сделали следующие шаги вперед в плане цифровизации. Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ внесены следующие изменения в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. Во-первых, разрешается участие в заседании с использованием не только видео-конференц-связи (для которого участнику необходимо явиться в какой-то суд, где установлено оборудование), но и веб-конференции (для которого не нужно никуда являться, достаточно иметь доступ в Интернет). Двухлетний опыт вынужденного проведения судебных заседаний в таком формате в период ограничительных мер позволил

выработать соответствующую нормативную основу, в том числе в наиболее «тонком» моменте установления личности «удаленного» участника дела. Его предлагается осуществлять с помощью единой системы идентификации и аутентификации (той, что используется на портале «Госуслуги») и единой биометрической системы (определяющей человека по лицу и голосу). Возможность использования веб-конференций в уголовном процессе, их достоинства и недостатки, зарубежный опыт сейчас активно обсуждаются в научной литературе [1].

Во-вторых, судебные извещения и судебные акты разрешается направлять, с согласия участника процесса, через систему «Госуслуги».

Достоинства двух групп этих изменений очевидны: удобство для пользователей, увеличение скорости правосудия, повышение его прозрачности и доступности. Разумеется, есть и опасения, традиционные для всего, что связано с использованием Интернета: повышенная вероятность утечки информации, в том числе для неправомерного ее использования.

Конечно, возможное применение веб-конференции или «Госуслуг» в уголовном процессе имеет свою специфику. Нельзя просто скопировать принятые нормы в УПК: свидетеля опасно допрашивать через веб-конференцию, если не исключить возможность воздействия на его сознание и волю каких-то лиц, поведение которых суд контролировать не сможет. И направлять процессуальную информацию обвиняемому, заключенному под стражу, через портал «Госуслуги» пока бессмысленно, ведь у него нет доступа в Интернет.

Но к настоящему времени нет даже законопроектов о внесении хотя бы части подобных изменений в УПК, они даже не разрабатываются. В уголовном процессе процветает другая тенденция: правосудие становится дальше, а не ближе. Так, например, в связи с перегруженностью СИЗО Москвы и Московской области большое количество подследственных направляются для содержания под стражей в другие регионы России, в том числе удаленные на тысячи километров. По сложившейся практике на допросы их этапируют к месту производства предварительного расследования, а вот обеспечение возможности свиданий с защитником наедине и конфиденциально, без ограничения числа и продолжительности, по выражению следователя, «проблемы защитника». Конечно, определение места содержания под стражей – вопрос, не определенный УПК РФ, формально он не процессуальный и решаться может с учетом непроцессуальных факторов, однако реализация процессуального права на защиту зависит от него напрямую. Немногие обвиняемые могут оплачивать расходы своего защитника на проезд в другой регион страны, к тому же на постоянной основе; избрание защитника в месте содержания под стражей, в свою очередь, организационно

недоступно обвиняемому и к тому же неэффективно, поскольку такой адвокат будет территориально удален от следователя и материалов дела. Наконец, и заключение соглашения с двумя защитниками тоже обременительно для обвиняемого и его семьи. При необходимости соблюдения процессуальных требований органы уголовного преследования, конечно, обеспечат обвиняемому адвоката за счет государства, но (будем честны) какое это имеет отношение к настоящей защите?

Если предположить, что проблема с определением места содержания под стражей, отдаленного от места производства предварительного расследования, неизбежна, то развитое использование дистанционных способов коммуникации, в том числе веб-конференций или других, могло бы быть полезным. Упомянутая новая ст. 189.1 УПК РФ как раз позволяет стороне обвинения проводить удаленные допросы заключенного под стражу обвиняемого, но ничего не позволяет его защитнику.

Можно резюмировать, что в части тренда цифровизации процессуального права уголовное судопроизводство показывает отставание, негативно влияющее не только на его репутацию, но и на реализацию конкретных прав граждан при его осуществлении.

Еще одно изменение УПК РФ, внесенное Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 426-ФЗ, носит дивергентный характер, усугубляющий различия между уголовным процессом и остальными видами судебного процесса. Согласно новой редакции ст. 30 УПК РФ кассационный пересмотр окончательных судебных актов по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести осуществляется судьей единолично, а не коллегией из трех судей. Первоначальный текст законопроекта и пояснительная записка к нему касались только дополнения перечня промежуточных судебных актов, пересмотр которых осуществляется судом единолично, однако между процедурами первого и второго чтения были приняты поправки, внесенные Верховным Судом РФ, изменившие идею нормативного акта¹. Разумеется, с точки зрения экономии ресурсов единоличное рассмотрение любых дел выгоднее коллегиального. Но доля дел о преступлениях небольшой и средней тяжести в 2020 г., например, составила 68 %², а значит, по $\frac{2}{3}$ уголовных дел ни в одной доступной заявителям инстанции не будут заседать трое судей, со всеми преимуществами коллегиального

¹ Государственная Дума РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145538-7> (дата обращения: 12.01.2022).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 12.01.2022).

рассмотрения дел. С учетом того, что согласно действующей редакции УК РФ к преступлениям средней тяжести относятся неосторожные деяния, максимальное наказание по которым не превышает десяти лет лишения свободы, это весьма серьезный вопрос для того, чтобы применять к нему такую же радикальную экономию, как к промежуточным судебным решениям. Остается только надеяться, что по подобию УПК РФ не будет реформирована в «единоличную» кассация в других видах судопроизводства.

Следующий законопроект, который пока находится на стадии рассмотрения, касается института отвода суда. Полагаем, что данный институт является универсальным для всех процессуальных отраслей права и не может иметь каких-то существенных особенностей в каком-то из видов судопроизводства. Относительно недавно в ст. 25 АПК РФ были внесены изменения, согласно которым заявление об отводе судьи должно рассматриваться им самим¹. Тем самым порядок разрешения отводов в четырех видах судопроизводства стал универсальным, хотя и с отказом от «более высокого уровня гарантий»².

В настоящее время в Совете Государственной Думы РФ рассматривается проект, согласно которому в УПК РФ вносятся изменения, позволяющие обжаловать отказ в удовлетворении заявления об отводе (судьи или другого участника судопроизводства) отдельно от окончательного судебного акта по делу. Не касаясь оценки содержания этого предложения, выскажем лишь недоумение по поводу того, что такое изменение предлагается изолированно в один из четырех процессуальных кодексов, предусматривающих универсальный институт отводов. Что произойдет в случае принятия такого проекта? Сколько лиц обратится с жалобами в Конституционный Суд РФ на то, что другие процессуальные законы не дали им возможность обжаловать отказ в отводе судьи сам по себе? Интересно и то, что в заключении Правового управления Государственной Думы РФ на этот проект указано лишь на некоторые технические его неточности, но нет принципиальных возражений, связанных с разрушением системности права.

Это, к сожалению, показательный пример несогласованной законотворческой работы, сам механизм которой, не предусматривающий «межпроцессуального» согласования проектов, подкладывает «бомбы» под любые новеллы, независимо от их качества и востребованности.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7523.

² Так в Определении Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 550-О был охарактеризован порядок рассмотрения отводов, предусмотренный в АПК РФ.

Неожиданные для законодателя и не предусмотренные им межотраслевые взаимодействия, как правило, носят негативный характер. Но один из свежих и перспективных законопроектов может, по нашим оценкам, сыграть и позитивную роль, которая разработчиками не анонсирована. Так, проект изменений в ст. 52 АПК РФ и ст. 45 ГПК РФ относительно расширения прав прокурора в гражданском и арбитражном процессах, в случае его одобрения, может повлиять на практику принятия решений, имеющих впоследствии преюдициальное значение в уголовном процессе. Проект предусматривает право прокурора вступить в дело «в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о том, что являющийся предметом судебного разбирательства спор инициирован в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством, правом Евразийского экономического союза и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, и (или) возник из мнимой или притворной сделки, совершенной в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством, правом Евразийского экономического союза и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании»¹.

Получив право участвовать в таких делах, прокурор сможет и предотвратить принятие неправосудного акта, и обжаловать судебные решения, при этом не посягая на законную силу состоявшихся и неотмененных судебных актов в целом. Возможно, в этом кроется разрешение достаточно сложной ситуации, которая связана с применением межотраслевой преюдиции в уголовном процессе. В настоящее время уголовно-процессуальная наука и практика склонны рассматривать ее как препятствие на пути законного уголовного преследования. Высказываются как крайне негативные ее оценки, доходящие до аргументации необходимости полного от нее отказа [2], так и предложения о создании механизмов ее преодоления [3, с. 47]. Полагаем категорически противоречащим принципу *res judicata* как отказ от межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, так и любые попытки пересмотров состоявшихся решений на том лишь основании, что они «мешают» уголовному преследованию. Считаем, что существующий в цивилистическом процессе порядок обжалования решений достаточен для

¹ Государственная Дума РФ : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1192314-7> (дата обращения: 12.01.2022).

преодоления их преюдициальной силы. При этом возможное расширение участия прокурора в гражданских и арбитражных делах, решения по которым в дальнейшем могут иметь преюдициальное значение, обеспечит им необходимый уровень авторитета для признания в уголовном процессе.

Однако это, разумеется, единичный частный случай, в котором важно и то, что в пояснительной записке к законопроекту ничего не сказано ни о законности решений, имеющих в дальнейшем преюдициальное значение в уголовном процессе, ни о какой-либо связи изменений с уголовным судопроизводством вообще. Попутно также заметим, что законопроект касается только арбитражного и гражданского судопроизводства и игнорирует административное, хотя и необходимость их унификации в рассматриваемой части, и наличие в КАС РФ отдельных прогрессивных положений об участии прокурора в науке обсуждаются активно [4; 5].

С проблемой преюдиции в уголовном процессе связан еще один законопроект, имеющий все тот же системный дефект отсутствия учета влияния его принятия на состояние универсальных процессуальных институтов. Он подразумевает исключение из числа судебных актов, имеющих преюдициальное значение, постановлений суда об административных правонарушениях¹. Необходимость его принятия разработчики аргументировали тем, что за совершение преступлений, составы которых подразумевают административную преюдицию, привлекаются к ответственности лица, в отношении которых были вынесены указанные постановления. Но эти постановления зачастую выносятся с нарушением процессуальных гарантий, а преодолеть их преюдициальную силу затруднительно. Вновь воздерживаясь от оценки по существу предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства, нам остается недоумевать, почему оно никак не затрагивает все остальные процессуальные кодексы. Статьей 69 АПК РФ тоже предусмотрено освобождение от доказывания обстоятельств, установленных решением суда по другому делу, а ст. 61 ГПК РФ и ст. 64 КАС РФ среди признаваемых судебных актов прямо названы постановления по делам об административных правонарушениях, однако никаких изменений для них не предполагается.

Считаем, что изменение подходов к законотворческому процессу могло бы существенно способствовать межотраслевой процессуальной конвергенции. Для этого необходимо в каждом случае внесения изменений в один из процессуальных кодексов рассматривать вопрос о необходимости

¹ Государственная Дума РФ : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/791911-7> (дата обращения: 12.01.2022).

сти таких же (аналогичных или иным образом связанных) изменений во всех остальных процессуальных кодексах.

Список источников

1. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Юркевич. – Москва, 2021. – 259 с.
2. Щерба С.П. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран / С.П. Щерба, И.В. Чащина. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 182 с.
3. Азаров В.А. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве / В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 206 с.
4. Казарина Т.Н. Прокурор как субъект цивилистических процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации. Часть 1 / Т.Н. Казарина // Российский судья. – 2021. – № 2. – С. 3–6.
5. Казарина Т.Н. Прокурор как субъект цивилистических процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации. Часть 2 / Т.Н. Казарина // Российский судья. – 2021. – № 3. – С. 6–10.

References

1. Yurkevich M.A. *Primenenie sudom videotekhnologij. Kand. Diss.* [Application of video technologies by the court. Cand. Diss.]. Moscow, 2021. 259 p.
2. Shcherba S.P., Chashchina I.V. *Preyudiciya v ugolovnom processe Rossii i zarubezhnyh stran* [Prejudice in the criminal process of Russia and foreign countries]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 182 p.
3. Azarov V.A., Nurbaev D.M. *Vnutrennee ubezhdenie pri ocenke v ugolovnom processe preyudicial'nogo znacheniya reshenij, prinyatyh v grazhdanskom, arbitrazhnom ili administrativnom sudoproizvodstve* [Internal conviction in assessing the prejudicial significance of decisions made in civil, arbitration or administrative proceedings in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 206 p.
4. Kazarina T.N. Prosecutor as a subject of civil procedure relationships within the framework of unification of procedure laws of the Russian Federation. Part 1. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*, 2021, no. 2, pp. 3–6. (In Russian).

5. Kazarina T.N. Prosecutor as a subject of civil procedure relationships within the framework of unification of procedure laws of the Russian Federation. Part 2. *Rossiiskij sud'ya* = *Russian Judge*, 2021, no. 3, pp. 6–10. (In Russian).

Информация об авторе

Шарипова Алия Рашитовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Sharipova Aliya Rashitovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 21.01.2022.

The article was submitted 28.12.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 21.01.2022.